

С. В. Голикова
**«СОЦИАЛКА», ВЗРАЩЕННАЯ ВОЙНОЙ: РАСПРОСТРАНЕНИЕ
ДЕТСКИХ ЯСЛЕЙ НА УРАЛЕ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ***

УДК 94(470.5)''1914/19''

ББК 63.3(235.55)534-68

Резкое увеличение в годы Первой мировой войны числа летних детских яслей в уральских губерниях показывает, что милитаризация экономической и общественной жизни не привела к замедлению темпов развития социальной сферы, а придала ей новый импульс. В годы войны детская безнадзорность получила статус социально-значимого вопроса, решение которого выдвинулось в развитии форм коллективной социализации детей. В статье рассматривается социальная мобилизация в области дошкольного воспитания — увеличение финансирования со стороны земств губернского, и особенно, уездного уровня, а также денежных поступлений от различных фондов, прежде всего от специализирующихся на помощи жертвам войны или на охране жизни и здоровья подрастающего поколения. Неотъемлемой частью мобилизационного механизма стало развитие общественной инициативы. Патриотический порыв масс получил выражение в широком волонтерском движении помощи детям. Общественное воспитание стало актуальным, поскольку соответствовало условиям военного времени. Его опыт оказался востребованным и в послевоенный период.

Ключевые слова: *Первая мировая война, Урал, социальная мобилизация, детские ясли*

Современный уровень исторической науки, позволяя ликвидировать фактографические пробелы, делает все более актуальными новые подходы в изучении человека и общества военного времени. Все чаще предметом обсуждения среди специалистов становятся такие вопросы, как цена военных потерь и нечеловеческого напряжения сил, ценность жизни, эмоциональная опустошенность, цена «слезы ребенка», наконец. Рассмотрение детской тематики помогает понять психологические и социальные последствия мировых войн, проблему маленького (в буквальном смысле слова) человека в условиях большой войны. Обращение к истории детских яслей в России показывает и то, как переживало тяготы Первой мировой войны гражданское население, следовательно, дает возможность раскрыть некоторые грани проблемы взаимодействия фронта и тыла.

Парадокс заключается в том, что развитие дошкольного воспитания стало неотъемлемой

частью истории Первой мировой войны. Пущенное в предвоенные годы на самотек, кое-где просто прозябающее ясельное дело вдруг в военное и послевоенное время превратилось в фундаментальный интерес российского общества. Петроградское Общество содействия дошкольному воспитанию детей отмечало, что в мирное время идеи дошкольного воспитания «лишь медленно просачивались в сознание широких слоев общества и лишь отдельными оазисами воплощались в жизни. Но наступила мировая война, и из области теории идеи... начали реально осуществляться в жизни в виде огромного количества яслей, очагов, детских садов и других ячеек общественного воспитания».¹

Отношение к детским воспитательным учреждениям наглядно показывает, что контекст социальных проблем в годы мировой войны стал иным. «Ясельный» вопрос весной 1915 г. в Оханском уезде Пермской губернии был поднят на агрономическом совещании, на котором обсуждался вопрос о недостатке рабочей силы в деревне. Год спустя А. М. Шанц писал: «В настоящее время вопрос о яслях снова становится вопросом дня — снова надвигается сельскохозяйственная страда, а рабочих рук еще меньше,

Голикова Светлана Викторовна — д.и.н., в.н.с. сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: avokil@mail.ru

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ НШ-2014 «Исторический опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: социокультурные детерминанты и трансформации»

¹ Инструкция для руководящих лиц очагов, яслей и детских садов, выработанная комиссией при организации помощи детям воинов при Петроградском Обществе содействия дошкольному воспитанию детей // Дошкольное воспитание. 1916. № 1–2. Стб. 93.

чем в прошлом году».² Ирбитской земской управой открытие приютов-яслей в деревнях также было признано «благодетельной мерой в деле смягчения кризиса в крестьянских хозяйствах от недостатка рабочих рук на время полевых работ, что дает возможность женам призванных принять на себя исполнение мужского труда».³ Мобилизация и перевод промышленности и всей инфраструктуры государства на военное положение повлекли за собой ухудшение жизненных условий большей части гражданского населения даже в далеких тыловых районах. Возникали и обострялись социальные проблемы, в том числе связанные с уходом и присмотром за детьми. Н. Алексеева отмечала: «Детей, лишенных семейного тепла, брошенных и обиженных, умирающих от голода и болезней, всегда было много, а теперь их стало еще больше. И эта армия растет <...> Детские сады, очаги, ясли, детские клубы, дневные приюты и просто приюты — это все то, что нужно теперь как воздух».⁴

Формы коллективного воспитания упомянуты не случайно: в военных условиях они служили социально продуктивным целям. К числу жертв войны добавлялись показатели детской смертности, и способом ее минимизации оказались ясли. Они помогали семье в выполнении ее функций: при наличии яслей женщины, заменившие в тылу мужчин, могли сочетать воспитание детей с работой на производстве или в собственном индивидуальном хозяйстве. Развитие коллективных форм призрения детей оказалось не просто ответом на вызов времени, оно получило статус важного общественного дела. «В военное время ясли не только не теряют... значения, — считал санитарный врач из Уфимской губернии Б. М. Эльцин, — но удваивают его и приобретают новое — хозяйственное — значение... если в мирное время большая детская смертность и усиленная горимость деревни зло, то во время войны это зло может принять значение сплошного народного бедствия: война уменьшает число взрослого населения — тем более мы должны заботиться о подрастающем поколении <...> Если и в мирное время отцы и матери в страдную пору освобождали себя от забот о детях... то насколько это

важно сейчас! Женщины... должны теперь заменить мужей, отцов и братьев и быть на поле с сохой и серпом, а не в избе у колыбели или люльки <...> Иначе земля не будет обработана, урожай не будет убран».⁵

Именно в военное время детская безнадзорность стала определяться как нежелательная, пагубная, опасная, угрожающая, хотя и до войны дети не всегда находились под присмотром взрослых. В какой-то мере ясли «амортизировали» последствия обычных военных бедствий: позволяли беженцам и женщинам, чьи мужья были убиты, налаживать быт, тем самым уменьшая беспризорность. «Этих детей мы обязаны накормить, дать им нужный присмотр, и тогда все работники-беженцы помогут крестьянам обработать землю и убрать хлеб», — полагал Б. Эльцин.⁶ В 1916 г. в Златоустовском уезде Уфимской губернии стали появляться ясли для детей, матери которых вынуждены были покинуть место постоянного проживания. В них содержалось 266 мальчиков и 301 девочка в возрасте 3–8 лет в среднем в течение 23–70 дней. Такая инициатива предоставила «работоспособным беженкам возможность уходить на заработки».⁷

Проблема обеспечения детей дошкольными учреждениями решалась привычным в условиях войны путем — мобилизацией ресурсов и общественных сил. Осмысляя Первую мировую войну, к понятию мобилизация обратился Э. Юнгер. Учитывая его позицию, социолог И. А. Климов считает термин «мобилизация» концептуально значимым для изучения процессов социальной организации. Он отмечает, что «в парадигме социального конструктивизма эта тема возникала для объяснения процесса конструирования и легитимации социальных проблем».⁸ Рассматривая уход за детьми как социальную проблему в условиях усиления роли институциональных механизмов управления активностью населения, следует отметить, что в первый год войны в ясельное дело были вложены большие деньги. До этого власти стремились поощрять развитие яслей и контролировать их организацию, но оказывать финансовую помощь, а тем более вкладывать крупные средства, не спешили.

² Шанц А. М. Ясли-приюты в Оханском уезде летом 1915 г. // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1916. № 1. С. 541, 551.

³ Деревенские приюты-ясли // Дошкольное воспитание. 1915. № 5. Стб. 379.

⁴ Алексеева Н. Война и дети // Дошкольное воспитание. 1914. № 6. Стб. 418.

⁵ Эльцин Б. М. Для чего нужны и как устраивать ясли-приюты в деревнях Уфимской губернии. Уфа, 1916. С. 2, 3.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Разные сведения и сообщения // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 5 (сентябрь–октябрь). Стб. 463.

⁸ Климов И. А. Социальная мобилизация: к истории понятия // Человек. Сообщество. Управление. 2004. № 1. С. 11, 12.

В апреле 1914 г. Н. Алексеева писала: «Ясли устраивают во многих селах... Однако просматривая... отчеты, видишь суммы, затраченные на содержание яслей, из которых видно, что содержание одного ребенка в день обходилось в 1/10 копейки. Жалкие гроши. ... те немногочисленные и бедно обставленные ясли, какие существуют, находятся в самом печальном состоянии».⁹ По подсчетам Уфимского уездного земства, содержание ребенка в яслях в течение обычного срока (полтора-два месяца) должно было обойтись земству в 1915 г. в 13 копеек. Это «несомненно богатое» земство располагало (вместе с частными сборами и пожертвованиями) суммой в 4000 рублей, на которые можно было содержать 800 детей.¹⁰ В 21 населенном пункте Уфимского уезда количество призываемых детей составило 1281, из них 169 — грудного возраста. В Бирском уезде было открыто 19 яслей для 619 воспитанников. Однако лидером в Уфимской губернии стал Мензелинский уезд, в котором было открыто 45 приютов на 3195 человек. Летом 1915 г. в губернии, в целом, удалось охватить детскими учреждениями 5095 детей, которые «в общей сложности» провели в яслях 131056 дней.¹¹

Вклад Пермского губернского земства в открытие и содержание яслей в 1915 г. составил 7500 рублей: Верхотурский уезд получил 1000 рублей, Екатеринбургский — 960, Осинский — 855, Шадринский — 825, Оханский и Красноуфимский — по 690, Камышловский — 630, Пермский и Соликамский — по 600, Ирбитский — 360, Кунгурский и Чердынский — по 300 рублей.¹² Однако сами уезды потратили денежных средств несравнимо больше. Бюджет 21 летнего детского учреждения в Оханском уезде в 1915 г. составил 4563 рубля 83 копейки и был покрыт 454 рублями 68 копейками пожертвований, 690 рублями, ассигнованными губернским земством, остальное поступило из средств уездного земства.¹³ В Ирбитском уезде намечалось открыть с мая по сентябрь 18 приютов-яслей на 40 человек каждый. На одного ребенка планировалось израсходовать 10 рублей, а на все ясли — 10800 рублей.¹⁴

⁹ Алексеева Н. Народный учитель и дети деревни // Дошкольное воспитание. 1914. № 4. Стб. 278–279.

¹⁰ См.: Приюты-ясли в деревнях // Дошкольное воспитание. 1916. № 6–7. Стб. 481.

¹¹ См.: Эльцин Б. М. Указ. соч. С. 2, 8.

¹² См.: Егоровская Р. А. Ясли-приюты в Пермской губернии в лето 1915 года // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1916. № 3. С. 219–220.

¹³ См.: Шанц А. М. Указ. соч. С. 549.

¹⁴ См.: Деревенские приюты-ясли. Стб. 379.

Источниками финансирования детских учреждений Пермской губернии в 1915 г. также стали волостные попечительства о семьях приписных (ими было выделено 1000 руб. 87 коп.), церковно-приходские попечительства (678 руб. 10 коп.), частные учреждения и лица (2947 руб. 24 коп.). Финансовую помощь оказывали кредитные товарищества, попечительство об охране материнства и младенчества, Комитет под покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны, екатеринбургское уездное Общество для оказания помощи запасным и ратникам ополчения, уральский отдел Союза для борьбы с детской смертностью. Денежные расходы на ясли Пермской губернии, составившие в 1915 г. 10466 руб. 79 коп., дополнялись продуктовыми и вещевыми сборами.¹⁵ Казалось бы, мы столкнулись с противоречием: при огромных затратах на ведение войны на призрении детей можно было бы и сэкономить. Напротив, как и в Уфимской, в Пермской губернии наблюдался лавиннообразный рост числа детских учреждений: в Пермском и Оханском уездах их было открыто по 21, в Верхотурском и Чердынском — по 20, в Екатеринбургском — 14, в Соликамском — 13, Осинском — 12, Красноуфимском — 10, в Кунгурском — 3, а всего — 134 учреждений для детей. На порядок увеличилось количество призываемых детей. По отчетам 84 яслей (64 % от их общего количества в Пермской губернии), они обслужили 2576 человек.¹⁶

Освоить столь значительные средства, предназначенные на детские учреждения, помогла общественная инициатива. Широкое волонтерское движение стало неотъемлемой частью социальной мобилизации. Организовывались дамские кружки с участием «учащейся молодежи», «в ведении» яслей принимали участие даже приходские священники или «образовавшиеся» к открытию детских учреждений комитеты. Оказалась востребованной соответствующая литература. Книга М. Я. Морозовой и Е. И. Тихеевой, посвященная сугубо мирному вопросу, — «Современный детский сад, его значение и оборудование» — в военное время выдержала два издания (в 1914 и 1916 гг.).¹⁷ Широкое хождение получили популярные брошюры док-

¹⁵ См.: Русских Н. А. По поводу яслей в Пермской губернии в 1915 г. // Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии. 1916. № 3. С. 243.

¹⁶ См.: Егоровская Р. А. Указ. соч. С. 221, 227.

¹⁷ См.: Лубенец Н. Современный детский сад, его значение и оборудование // Дошкольное воспитание. 1915. № 2. Стб. 156.

торов А. И. Шингарева «Как организовать приюты-ясли» и Н. А. Русских «О дневных детских приютах-яслях в селах».¹⁸ Специально для военного времени санитарные учреждения выпускали «методические указания» по устройству и работе яслей. Заведующий санитарным бюро пермского губернского земства И. К. Курдов составил пособие «Как открывать и содержать дневные ясли-приюты в деревнях», а санитарный врач из Уфимской губернии Б. М. Эльцин — карманную книжечку «Для чего нужны и как устраивать ясли-приюты в деревнях Уфимской губернии».

В 26 яслях Пермской губернии духовенство и учительство работало бесплатно. Подавляющая часть помещений (школьные и церковные здания, частные дома) предоставлялась для устройства яслей-приютов безвозмездно. В результате патриотического порыва «интеллигентной части деревни» приюты-ясли стали принимать больше детей (например, в Екатеринбургском уезде в среднем до 37 человек, в Верхотурском — до 36, в Пермском — до 35), удлинилось время их работы, выросла посещаемость в ночное время. Численно среди «ночевщиков» преобладали дети в возрасте 10–11 лет, однако чаще на ночь оставляли «грудничков». Ясли приняли большое количество «люлечных» (9,6 % — в возрасте до 6 месяцев, 16,3 % — от 6 месяцев до года), однако половину их питомцев составляли дети в возрасте от одного года до 5 лет (51,1 %). Дети в возрасте 5–10 лет составляли 22 %. В Пермском уезде чаще всего призвали детей до 6 месяцев, в Екатеринбургском — до года, в Верхотурском, Соликамском — до 5 лет, в Красноуфимском, Осинском, Кунгурском — с 5 до 10 лет. Бюджет яслей в 1915 г. составил в среднем 136 руб. 15 коп., содержание одного ребенка в сутки, по приблизительным расчетам, возросло до 30 копеек, а за сезон — до 4 руб. 50 коп.¹⁹

Благотворительные и общественные фонды начали вкладывать в ясельное дело значительные суммы еще в 1915 г. Так, три уездных земства Вятской губернии для устройства очагов (тип яслей для детей запасных или беженцев) наладили связи с обществом «Помощь жертвам войны в 1915 г.» и получили «руководящие указания и лиц, которые могли бы помочь им правильно поставить эти учреждения». Местная интеллигенция проявила к начинанию «значительный интерес», оказывала ему

«существенную поддержку».²⁰ В 1916 г. на особом совещании в Перми было решено открыть в уездах временные комитеты «Попечительства об охране материнства и младенчества» и попросить у него сумму, равную той, которую ассигновало земство, — 10 000 руб. Рассчитывали получить также «инструкторов по устройству яслей и по уходу в них за детьми».²¹

Журнал «Дошкольное воспитание» считал, что на один уровень с организацией ясельного дела земствами Киевской губернии — лидера дошкольного воспитания в Российской империи — «можно лишь, пожалуй, поставить некоторые уездные земства Пермской».²² Достигновения уральцев были тем значительнее, что, в отличие от Европейской России, здесь призвали большое количество младенцев. «Принимались в громадном большинстве случаев, — отмечал А. М. Шанц, — именно дети наиболее нежного, наиболее раннего возраста». По данным 1915 г., в яслях Оханского уезда младенцы до 3 месяцев составляли 15 % всех детей до года, от 3 до 6 месяцев — 29 %, дети от 6 месяцев до года — 56 %; всего до года — 28 %, от года до 5 лет — 53 %, старше — 19 %. «И если сам по себе большой процент грудных детей представляет довольно грустное явление, то все же неизмеримо лучше было приютить их в яслях, чем обречь их на мучения и гибель дома», — заключает автор. Руководители яслей «были крайне озабочены этим вопросом, так как вся ответственность за здоровье и жизнь... детей падала на них же, родители же в большинстве случаев предъявляли в этом отношении крайне повышенные требования».²³ Однако и в решении столь трудной задачи произошли подвижки: «Заболеваемость детей в яслях была выражена настолько не резко, — писала о сезоне 1915 г. санитарный врач из Пермской губернии Р. А. Егоровская, — что представленные в отчетах сведения почти и не укладываются в распространенное представление о высокой летней заболеваемости детского населения деревни».²⁴ На фоне военных людских потерь повседневная беда дореволюционной России — высокая детская смертность — казалась особенно недопустимой. «Такой колоссальный урон

²⁰ Очаги в деревне, организованные «Комиссией помощи детям» при обществе «Помощь жертвам войны в 1915 г.» Н. Мордвиновой // Дошкольное воспитание. 1916. № 6–7. Стб. 465–466.

²¹ Приюты-ясли // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 2 (октябрь). Стб. 95.

²² Приюты-ясли в деревнях. Стб. 480.

²³ Шанц А. М. Указ. соч. С. 543, 544, 547, 548.

²⁴ Егоровская Р. А. Указ. соч. С. 231.

¹⁸ Приюты-ясли в деревнях. Стб. 480–481.

¹⁹ См.: Егоровская Р. А. Указ. соч. С. 224, 227, 229, 231.

в человечестве, исчисляющийся в миллионах человеческих жертв, по своим размерам стоит несравненно выше урона в настоящей отечественной войне, — писали в отчете о работе яслей Верхне-Тагильского завода — <...> Мы удивляемся жертвам настоящей войны, но совсем не видим, что один наш Тагил зарывает в землю более 200 человек будущих граждан».²⁵

Обращение к истории яслей периода Первой мировой войны, помимо всего прочего, показывает, каким образом общество решало встающие перед ним проблемы и какую роль они играли в процессах социальной трансформации. «В активистской социологии, — отмечает И. А. Климов, — делается акцент на способности мобилизационных флуктуаций изменять институциональную организацию обществ, создавая новые институциональные практики и институциональные структуры (Э. Гидденс, П. Штомпка)».²⁶ Детская смертность и безнадзорность была признана социальной болезнью, препятствующей нормальной работе ослабленного войной социума. Именно в этот период, наряду с новыми социальными персонажа-

ми (беженцами, военнопленными), появился тип ребенка, социализируемого не только и не столько в семье, сколько с помощью яслей, затем детского сада, школы. И если негативные последствия мирового конфликта поствоенное общество старалось преодолеть, то наработки и опыт военной поры в сфере общественного воспитания оно, напротив, стремилось всецело легализовать и упрочить. Его распространению способствовал высокий уровень сиротства и инвалидности, но это печальные итоги любой войны. Скорее, ясли как результат мобилизации общества в ситуации войны оказались весьма адекватными социальным условиям в военный и послевоенный период. Первая мировая война выстраивала каркас современного социального (социально ответственного) государства, в структуре которого дошкольное воспитание — обязательный элемент. «... за последние сто лет, — отмечала в 2010 г. Ю. В. Градскова, — уход за детьми в учреждениях дошкольного образования занял устойчивое место среди социальных институтов большинства стран, включая страны Азии, Латинской Америки и Африки».²⁷

Svetlana V. Golikova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)
E-mail: *avokilog@mail.ru*

“WAR INDUCED WELFARE: GROWTH OF NURSERY SCHOOLS NUMBERS IN THE URALS DURING WORLD WAR I

Dramatic increase in the number of summer nursery schools in the Urals' provinces during World War I indicated that militarization of economic and social life did not result in slowing down welfare development rates, but on the contrary gave it a new impulse. It was during the war years that child neglect acquired a status of a socially sensitive issue the solution to which was seen in the development of various forms of collective socialization of children. The article deals with the issue of social mobilization in pre-school education system: increased volume of financing from various levels of province administrations, as well as cash donations from various foundations, primarily those specializing on providing help to the war victims or protection of the life and health of the young generation. Development of social initiative became an integral part of the mobilization mechanism. The outburst of the patriotic feelings of the population developed into a wide-scale child support volunteer movement. Public education became popular since it met the requirements of war-time conditions. Experience gained in those years proved useful also in the post war period.

Key words: *World War I, the Urals, social mobilization, nurseries, pre-school education*

REFERENCES

- Gradskova Yu. V. *Laboratorium. Zhurnal sotsialnykh issledovaniy* (Laboratorium. Journal of Social Research), 2010, № 3, pp. 44–57. (in Russ.).
- Klimov I. A. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* (Human. Community. Management), 2004, № 1, pp. 6–23. (in Russ.).

²⁵ Русских Н. А. Указ. соч. С. 246, 247.

²⁶ Климов И. А. Указ. соч. С. 11.

²⁷ Градскова Ю.В. Когда отдавать ребенка в детский сад и платить ли воспитателю? Родительство, гендер и учреждения дошкольного воспитания в Интернет-форумах // *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 2010. № 3. С. 44.